

**Евгения Грановская
Антон Грановский
Заблудшая душа**
Серия «Маша Любимова и Глеб Корсак.
Следствие ведут профессионалы», книга 11

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8344384
Заблудшая душа: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72417-8*

Аннотация

Получив известие о смерти своего дяди, Глеб Корсак немедленно выехал в провинциальный городок Полесск. Борис Алексеевич Корсак погиб во время пожара в краеведческом музее, где он работал директором. По официальной версии, произошел несчастный случай – загорелась старая проводка. Но потом Глебу подбросили записку: «Вашего дядю убили»...

Оказалось, Борис Алексеевич писал роман – Глеб нашел рукопись в сейфе среди обгоревших развалин музея. Он повествовал о далеком предке их семьи, Галебе Корсо, которому пришлось вступить в схватку с демонами в зверином обличье. Увидев в городе изображения описанных в романе существ, Глеб понял: возможно, его дядя узнал о них больше, чем полагалось...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Антон Грановский, Евгения Грановская

Заблудшая душа

© Грановская Е., Грановский А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Пролог

Г. Полесск, Калининградская обл., 15 сентября

Борис Алексеевич Корсак посмотрел на себя в зеркало и вздохнул. То ли старинное зеркало, в силу своей древности, чересчур сильно искажало его черты, то ли эти черты были искажены прожитыми годами самого Корсака (а накопилось их уже больше шестидесяти), но увиденное не доставило Борису Алексеевичу никакого удовольствия.

Морщинки, мешки под глазами, обвисшие щеки, седина. «И как только она может меня любить? – подумал Корсак. – Я ведь намного старше ее. Да и импозантным меня никак не назовешь».

Борис Алексеевич провел по зеркальной глади ладонью, словно хотел стереть со своего лица отпечаток времени, вздохнул и отвел глаза от зеркала.

В музейном зале было пусто и тихо, лишь тихонько потрескивали люминесцентные лампы под потолком. Борис Алексеевич неторопливо прошелся по залу, поглядывая на экспонаты и чувствуя себя единовластным хозяином этого небольшого, но дорогого сердцу царства. Старинные изделия из бронзы, статуэтки и украшения, потемневшие от времени картины в тяжелых резных рамах, фарфоровый сервиз барона фон Клинкоуф – когда-то расколотый на десятки кусков, но затем старательно склеенный реставратором из областного центра. Ко всему этому Борис Алексеевич приложил когда-то руку, и все эти предметы ушедших эпох были ему дороги, как могут быть дороги только самые близкие родственники.

Корсак снова остановился у старинного зеркала, висящего на стене. И в эту секунду в музее погас свет. Зал погрузился в полную темноту, однако Борис Алексеевич не растерялся и не испугался – электропроводка в музее была такая же старая и ветхая, как сам музей, и свет в залах гас с неприятной регулярностью.

Борис Алексеевич достал из кармана мобильный телефон и включил экран. Затем, подсвечивая себе дорогу тусклым светом дисплея, добрался до полки, на которой стояла старинная керосиновая лампа.

Достать из кармана зажигалку и зажечь фитиль лампы было делом одной минуты, и вскоре язычок пламени озарил небольшую часть зала и лицо Бориса Алексеевича.

Корсак убрал зажигалку в карман, поднял керосиновую лампу и двинулся к выходу из музея, поскольку распределительный электрощиток находился на улице. Шагая к выходу, Борис Алексеевич мурлыкал себе под нос привязавшуюся недавно песню.

Волку так холодно зимой.
Волку хоть волком вой.
Пустите бедного домой...
Сяду я к жаркому огню,
Мяса поем, чаю попью...

Вот и дверь. Борис Алексеевич сдвинул тяжелый засов, повернул ручку замка, открыл дверь и вышел, наконец, на сумеречную вечернюю улицу. Погода была пасмурная, накрапывал дождь. Корсак двинулся было к щитку, но вдруг остановился как вкопанный. В нескольких шагах от себя он увидел их – чудовищ из своих кошмаров. У них были человеческие фигуры, но их плечи венчали не нормальные головы, а отвратительные белые звериные морды.

Борис Алексеевич попятился. Они двинулись с места и стали неторопливо приближаться, скаля зубы и уставившись на Корсака черными и бездонными, как глазные впадины черепа, глазами.

Борис Алексеевич исторг хриплый, отрывистый крик, затем повернулся, вбежал в музей и захлопнул за собой дверь. С лязгом задвинул засов и, отбежав от двери, принялся шарить по карманам в поисках мобильного. И в эту секунду в дверь кто-то постучал – громко, требовательно.

Борис Алексеевич уставился на дверь, руки его задрожали, керосиновая лампа выскользнула из пальцев и со стуком упала на землю. Стеклянная колба разлетелась на куски, и язык огня, соскочив с фитиля, подобно голодному зверю, лизнул ковер и бахрому портьеры.

«Господи, да что же это?!» – пронеслось в голове у Корсака. И тут в дверь снова застучали – громко, почти оглушительно. И ужасный этот стук эхом отразился в груди Бориса Алексеевича, сотряс его сердце, рванул аорту, как рвут пьяными пальцами струну гитары. Корсак хрипло застонал и схватился рукою за грудь.

Когда в дверь постучали в третий раз, он попятился, задел каблуком за валявшуюся на полу керосиновую лампу, покачнулся и рухнул на пол. Огонь заплясал вокруг головы Бориса Алексеевича, но ему уже было все равно, он был мертв.

Глава первая

1

Г. Москва, 16 сентября

Глеб Корсак затушил сигарету в пепельнице и потер пальцами заслезившиеся от табачного дыма глаза. Белокурая девушка, лежащая щекой на его голой груди, медленно провела пальчиком по небольшому шраму, багровеющему у Глеба с левой стороны живота.

– Глебчик, откуда у тебя этот шрам? – спросила она.

– Напоролся на ветку, – ответил Корсак.

– На ветку?

– Да.

Она снова легонько провела пальцем по шраму.

– Тебе, наверное, было очень больно?

Глеб Корсак дернул уголком губ:

– Пустяки. Не больнее комариного укуса.

На тумбочке зазвонил мобильный телефон. Глеб протянул руку, взял трубку и поднес ее к уху.

– Слушаю, – сказал он в трубку.

– Я говорю с Глебом Корсаком? – Голос у собеседника был негромкий, грустный и какой-то тусклый.

– Да, – ответил Глеб.

Незнакомец несколько секунд помолчал и затем спросил, чуть громче, но с тем же обреченным выражением в голосе:

– Моя жена у вас?

– Что?

– Марина Зотова, – грустно пояснил незнакомец. – Я нашел ваш телефон в ее записной книжке. Она у вас?

– Нет, – сказал Глеб, выключил телефон и положил трубку обратно на тумбочку.

Шею Глеба обвили теплые нежные руки.

– Кто это звонил? – спросила блондинка.

– Ошиблись номером, – ответил Глеб. – Одевайся. Мне пора идти.

– У, какой ты скучный. – Девушка поцеловала его в плечо. – А знаешь что, ты иди по своим делам, я еще немного понежусь в постели. Так не хочется никуда выходить. Во сколько ты вернешься, Глебчик?

Глеб глянул на девушку через плечо задумчивым взглядом.

– Я, кажется, просил тебя не называть меня Глебчиком.

Девушка рассмеялась, перегнулась через Глеба, достала из пачки, лежащей на журнальном столике, сигарету и хмыкнула.

– Ну и зря. Тебе так идет это имя. – Она прикрыла глаза и повторила нараспев: – Глебчик.

Затем вставила сигарету в рот и прикурила от изящной зажигалки. Выпустила облако сизого дыма и с вызовом посмотрела на Глеба.

Корсак поднялся с кровати, надел брюки, подошел к креслу, поднял с него ворох женской одежды и протянул девушке.

– У тебя есть пять минут, – сказал он.

– А что потом? – усмехнулась девушка. – Застрелишь меня из своего травматического пистолета?

Глеб сдвинул брови и хмуро посмотрел на партнершу.

– Вот это взгляд! – воскликнула девушка в притворном восхищении. – Тебе никто не говорил, что ты похож на Роберта Паттисона?

Глеб поморщился. Девушка усмехнулась и махнула рукой с зажатой между пальцами сигаретой.

– Впрочем, – презрительно сказала она, – откуда тебе знать, кто такой Роберт Паттиссон. У тебя ведь здесь даже телевизора нет, а в кинотеатры ты не ходишь.

Глеб ничего на это не сказал. И тогда она заговорила снова:

– Я тебе уже надоела, да? Ты ждешь не дождешься, когда я оставлю тебя в покое? Только со мной так не выйдет. Я тебе не какая-нибудь дешевая шлюха.

Глеб снова поморщился, как от зубной боли.

– Думаешь, от меня можно так вот запросто отмахнуться? – продолжала блондинка. – Переспал пару раз – и до свиданья?

– Это звонил твой муж, – сказал Глеб. – Прошу тебя, оденься.

Девушка раскрыла было рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого вскочила с кровати, яростно вмяла дымящуюся сигарету в пепельницу и стала быстро одеваться.

Одевшись, она вытащила из сумочки расческу и причесалась. Ее хорошенькое лицо было искажено гневом.

– Иди, открой мне дверь! – процедила она сквозь зубы, одаривая Глеба таким взглядом, что, будь он куском стекла, он бы разлетелся вдребезги.

Глеб, ни слова не говоря, вышел в прихожую. Девушка направилась следом за ним.

На пороге квартиры она обернулась и с угрозой произнесла:

– Я это запомню, Глеб. Советую тебе почаще оглядываться по сторонам.

– Спасибо за заботу, – поблагодарил ее Глеб. – Ты тоже под ноги смотри.

Девушка отвернулась и сбежала по ступенькам вниз. Глеб закрыл за ней дверь, посмотрел на свое отражение в зеркале, взъерошил ладонью волосы и хмуро произнес:

– Н-да.

Одевшись и выпив чашку крепкого кофе, он вышел в прихожую. Обулся, накинул плащ и повернулся к зеркалу. Лицо бледное, осунувшееся, под глазами фиолетовые тени, в глазах – усталость и скука. «Видела бы меня Маша», – подумал он вдруг.

При мысли о бывшей жене Глеб нахмурился, взял с полки связку ключей и, пребывая в самом мрачном настроении, вышел из квартиры.

2

Пресс-конференция «модного современного писателя Глеба Корсака» проходила в Центральном доме книги. Сам Глеб Корсак восседал за столом. Его каштановые, с серебрищейся прядкой, волосы были аккуратно причесаны, а глаза надежно упрятаны за темные стекла солнцезащитных очков.

Руку подняла журналистка из дамского журнальчика.

– Да, – кивнул Глеб.

Девушка поднялась с места и спросила немного свысока:

– Говорят, что у вас – как у писателя – наступил творческий кризис? Это правда?

– Спросите это у тех, кто говорит, – небрежно обронил Корсак.

– Значит, вы уже пишете новую книгу?

– Возможно.

– А нельзя ли поточнее?

Глеб хмыкнул:

– Вы хотите, чтобы я произнес монолог?

– А вы можете? – едко улыбнулась журналистка.

– Пожалуйста. – Корсак снял темные очки и положил их на стол. Взглянул на журналистку и сказал: – На свете все меньше вещей, которые могут выбить меня из колеи или заставить смутиться. Я научился без потерь переживать депрессии, душить в себе приступы меланхолии. Сдержанность и спокойное бесстрашие – вот что должно стать привычкой мужчины, переступившего сорокалетний порог. Я давно понял, что, например, давать нищему мелочь нужно не из жалости, а единственно потому, что так надо. Точно так же, как надо придерживать за собой дверь в метро, чтобы она не разбила лицо тому, кто идет следом. Этого требует закон необходимого приличия.

В первые секунды монолога журналисты замерли в удивлении. Теперь по их рядам пробежал недоуменный ропот.

– Я дожил, наконец, до такого возраста, – продолжил Корсак, не обращая внимания на недовольные лица, – когда в человеке начинаешь больше всего ценить не какие-то особенные таланты, обостренную чувственность или неординарные душевные качества, а элементарную порядочность. Порядочность в виде приобретенной с годами привычки. При этом, увы, не особенно надеясь встретить ее в каждом новом знакомом.

Глеб замолчал. Несколько секунд в помещении царил тишина, затем один из журналистов, корреспондент «желтого» издания, весело проговорил:

– Думаю, нас всех впечатлил ваш пафосный монолог. Но я хотел бы спросить вот что...

– Пресс-конференция окончена, – сказал Глеб, надел темные очки и поднялся со стула.

Журналисты снова недовольно зароптали. Представитель издательства вскочил вслед за Корсаком и тихо проговорил:

– Глеб Олегович, так нельзя. Они же черт знает что напишут в своих газетах.

– Пусть пишут, – сухо обронил Корсак.

Он выбрался из-за стола и пошел к выходу. Открыл дверь, вышел к коридору, закрыл за собой дверь, чувствуя облегчение, словно оставил журналистов не просто за дверью, а где-то за границами собственного существования. Сунув руку в карман, Глеб направился к месту для курения, но, ощутив пустоту в кармане, с досадой вспомнил, что оставил сигареты в пресс-зале, на столе.

Глеб остановился.

«Ну? – с усмешкой спросил он сам себя. – И какая еще неприятность произойдет сегодня?»

И, словно отозвавшись на вопрос, в кармане у него зазвонил мобильник.

– Лучше бы я оставил там телефон, – проворчал Корсак, доставая трубку. Затем прижал мобильник к уху и недовольно проговорил: – Слушаю.

– Глеб Олегович Корсак? – уточнил незнакомый голос.

Глеб отнял телефон от уха и глянул на дисплей. Отобразившийся номер был ему не знаком. Глеб снова прижал мобильник к уху:

– Он самый.

– Ваш дядя, Борис Алексеевич Корсак, умер.

– Что?.. Как умер?

– Сгорел, – отозвался скорбный голос. – Вместе с районным музеем, которым руководил.

Глеб перевел дух.

– Ясно.

– Похороны и поминки назначены на послезавтра. Всего доброго!

И незнакомый собеседник положил трубку. Опустив телефон, Глеб несколько секунд стоял неподвижно, потом вздохнул, сунул трубку в карман и зашагал к лифту.

3

Директор издательства «Русмир» Илья Игоревич Полонский просматривал деловые бумаги, когда в дверь постучали. Полонский оторвался от бумаг и громко сказал:

– Войдите!

Дверь открылась, и на пороге появился Глеб Корсак.

– А, Глеб Олегович! – На толстом лице Полонского появилась улыбка. – Проходи, садись!

Глеб вошел в кабинет и сел на стул.

– Ну? – спросил он. – Зачем звал?

– Как дела? – спросил Полонский, придавая своему румяному одутловатому лицу выражение отеческой заботы.

– Все в порядке, – ответил Глеб и потянулся за сигаретами в карман. – У тебя можно курить?

– Нет, – ответил Полонский. – Я бросил, и тебе не советую. Курить вредно.

Глеб нахмурился и убрал руку из кармана.

– Не нравится мне твой вид, – заметил Полонский после паузы. – Ходишь бледный, осунувшийся... Ты, часом, не того... – Директор издательства легонько щелкнул себя пальцем по шее. – Не злоупотребляешь?

– Только кефир, – сказал Глеб. – Да и то по большим праздникам.

– Смотри, – насмешливо погрозил ему пальцем Полонский. – Для некоторых вся жизнь – один сплошной праздник.

– Твоими бы устами, – усмехнулся Глеб.

Полонский согнал улыбку с губ – забота была проявлена, теперь можно было переходить к делу.

– Глеб, я слышал, скончался твой дядя в Калининграде, – не столько спросил, сколько констатировал Полонский.

– У тебя отличные источники информации, – сказал Глеб. – Только не в Калининграде, а в Полесске. Это маленький город.

– Поедешь? – напряженно глядя на Глеба, осведомился директор издательства.

– Нет.

– Зря.

Глеб в ответ лишь вяло пожал плечами.

– Глеб, ты понимаешь, что ситуация критическая?

– Ты о чем?

Полонский посмотрел Корсаку в глаза.

– Читатели ждут новый роман, Глеб. Продажи твоих книг только-только хорошо пошли, и в этой ситуации долгое отсутствие новинок губительно. В этом не заинтересовано ни издательство, вложившее в продвижение твоих книг значительные средства, ни ты как автор. Ведь от продаж напрямую зависят твои гонорары.

– Илья, чего ты от меня хочешь? – устало спросил Корсак.

– Я хочу, чтобы ты поехал на похороны дяди, – твердо произнес Полонский.

– Зачем тебе это?

Упитанное лицо директора чуть покраснело.

– Повторяю: это нужно не мне, это нужно тебе! – с легким раздражением ответил он.

– Что мне нужно? – уточнил Глеб.

– Новые впечатления! Толчок! Импульс! Все, что угодно, лишь бы ты приступил к написанию новой книги!

Глеб закинул ногу на ногу, посмотрел на носок своего ботинка и спокойно произнес:

– Я не хочу туда ехать.

Лицо директора побагровело еще больше.

– Тебе придется это сделать, – с нажимом сказал он.

Глеб перевел взгляд с ботинка на красное лицо Полонского и спокойно уточнил:

– Что это значит?

– Это значит, что в противном случае я разорву с тобой договор и потребую обратно аванс! – прорычал директор.

Глеб пожал плечами и небрежно обронил:

– Я не зарабатываю на личных трагедиях. В том числе и на своих. Это против моих принципов.

– А я не прошу тебя написать статью или заметку в газету! Это другое!

Глеб молчал. Полонский вынул из стаканчика карандаш и принялся вертеть его в пальцах. Пальцы у директора были короткие и толстые, под стать всей фигуре.

– Слушай, Глеб, не в службу, а в дружбу – съезди. Хотя бы на пару дней.

Глеб еще немного помолчал. Потом вздохнул и небрежно проговорил:

– Хорошо. Только из уважения к тебе и твоему издательству. Считаю, что я уже выехал.

– Отлично! – хлопнул ладонью по столу Полонский, откинулся на спинку кожаного кресла и добавил с радостной улыбкой: – Если начнешь писать книгу – все расходы за счет издательства.

4

Дорога лежала перед ним широкой серой лентой. Машин было мало, и Глеб с удовольствием выжимал из взятой напрокат в областном центре «бэхи» сто двадцать в час. Из приемника доносились негромкие звуки современного джаза.

Корсак не был в Полесске лет двадцать пять. Он давно уже выбросил этот городок и все, что с ним связано, из головы, но сейчас, возвращаясь на «малую родину»...

Идиотское словосочетание. И кто только его придумал?

...не мог не испытывать некоторого волнения.

Миновав знак «Полесск, 8 км», Глеб свернул со скоростного шоссе на бетонку, ведущую к Полесску. Как бы Корсак ни старался убедить себя в том, что Полесск ничего больше не значит в его жизни, волнение нарастало тем сильнее, чем ближе он подъезжал к городу. В голову полезли воспоминания, заставив Глеба нахмуриться.

– Ерунда, – сказал себе Корсак. – Все это было давно и практически не со мной.

Он мотнул головой, словно попытался выбросить нежелательные воспоминания из головы, протянул руку к приемнику и сделал музыку погромче. Это была знаменитая композиция «Тэйк файв», но в довольно странной аранжировке – переработку сделала группа «Радиоэхэд», и звучала известная мелодия довольно нервно, что, впрочем, совершенно соответствовало настроению Глеба.

Музыкой и дорогой Глеб наслаждался еще пару минут, после чего на хвосте у него повисла полицейская машина, а еще через тридцать секунд она повелительно взвыла, принуждая Корсака прижать автомобиль к обочине и остановиться.

Глеб остановил машину и выключил радио. Из полицейской машины, остановившейся позади, вышел молодой светловолосый полицейский в форме ППС. Он неторопливо подошел к машине Глеба, остановился, пригнулся, чтобы лучше видеть лицо Корсака, и представился:

– Старший лейтенант Нечаев. Можно взглянуть на ваши документы?

– Легко.

Глеб достал из бардачка водительское удостоверение и страховочный талон и протянул все это полицейскому. Тот взял документы, внимательно их просмотрел. Уточнил:

– Отдохнуть или по делам?

– На похороны родственника, – ответил Корсак.

– Родственника? – Он снова посмотрел на удостоверение Глеба, потом перевел взгляд на его лицо и спросил недоверчиво: – Вы родственник Бориса Алексеевича, директора нашего музея?

– Да.

Пару секунд полицейский о чем-то размышлял, подозрительно поглядывая на Глеба, затем поинтересовался:

– Надолго думаете задержаться?

– Нет, – честно ответил Корсак. – Как только церемония закончится, тут же уеду.

Глебу показалось, что мрачноватое выражение на лице полицейского сменилось выражением облегчения.

С чего бы это?

– Хорошо, – сказал полицейский, возвращая документы Глебу. – Приятного пути. И... примите мои соболезнования.

Глеб убрал документы в бардачок, кивнул полицейскому и тронул машину с места. Набирая скорость, он глянул в зеркальце заднего вида. Полицейский стоял на том же месте и, глядя вслед уносящейся к городу «бэхе», говорил с кем-то по мобильному телефону. Корсак почему-то подумал, что полицейский говорит о нем, и мысль эта была неприятна.

Еще немного, и ты станешь параноиком, Корсак.

Глеб включил приемник и сделал музыку погромче.

* * *

Гостиничный номер, в который заселился Глеб, был так себе. Стены обшарпанные, мебели почти никакой. Зато с видом на городской парк.

Распаковав сумку и поменяв рубашку на свежую, Глеб уселся в скрипучее кресло, взгромоздив ноги на полированный желтый столик, и минут двадцать наслаждался чтением местной газетки «Полесская правда», которую ему сунул на входе в гостиницу портье.

Просмотрев разделы «Криминал», «Стройки нашего города» и «Поздравления», Глеб зевнул и посмотрел на часы. До начала похоронной церемонии оставалось еще полтора часа. Немного подумав, Корсак решил спуститься в гостиничное кафе и чего-нибудь перекусить.

Пять минут спустя он сидел за столиком и ел «картошку с грибами по-домашнему», запивая ее клюквенным морсом. Картошка была приготовлена отменно, морс тоже был выше всяких похвал, и настроение Глеба чуть-чуть приподнялось.

– Глеб? – окликнул его вдруг женский голос.

Корсак отложил вилку и поднял взгляд.

– Да, – с легкой растерянностью ответил он, глядя на окликнувшую его светловолосую женщину. – А вы...

Ресницы ее дрогнули.

– Глеб, это действительно ты?

– Да, – повторил он и внимательнее взгляделся в лицо женщины. Брови его приподнялись от удивления. – Кира?

Женщина улыбнулась:

– Она самая. Что, так сильно изменилась?

– Изменилась. – Глеб взгляделся в лицо бывшей одноклассницы. – Но не сильно.

– Я присяду?

– Конечно.

Пока Кира Бегунова усаживалась на стул, Глеб успел заметить, что она почти не расплнела, и что морщин у нее на лице гораздо меньше, чем могло бы быть у женщины, миновавшей сорокалетний рубеж. Одета Кира была в темную юбку и голубую кофточку из тонкой шерсти.

– А ты постарел, – сказала Кира, в свою очередь разглядывая Корсака. – И седая прядь в волосах. Но тебе идет. – Она снова улыбнулась. – Из молодого красавца ты превращаешься в импозантного мужчину средних лет.

– Да уж, – усмехнулся в ответ Глеб. – Импозантности во мне – как в замшелом пне.

Кира засмеялась. Глеб тоже не удержался от улыбки.

– Я рад тебя видеть, Кира, – сказал он.

– Я тебя тоже. Что тебя привело в наш городок, Глеб?

Корсак посчитал нужным стереть улыбку с лица.

– Приехал на похороны дяди, – сказал он.

– Ах да, я слышала. – Лицо Кире стало грустным. – Этот пожар... Это так ужасно! Знаешь, мы с ним иногда виделись, с твоим дядей. И он всегда заводил речь о тебе. Он очень тобой гордился, Глеб.

Корсак хмыкнул.

– Было бы чем!

– Не прибедайся, Глеб. Говорят, ты стал известным журналистом.

На это Глеб не нашелся, что сказать. Не мог же он признаться, что журналистика давно набила ему оскомину, что он много раз делал попытки уйти из этой профессии, но каждый раз – по той или иной причине – вынужден был возвратиться.

– Ты надолго сюда?

– Да нет. Завтра уезжаю. Посижу часок на поминках – и на вокзал.

– Остался бы на пару дней, – сказала она негромким и, как показалось Глебу, странным голосом. – Погулял по городу, по памятным местам.

Корсак вздохнул:

– Не знаю... Немецкая земля, немецкий дух... Тут для меня все какое-то чужое.

– Даже я?

Глеб сдвинул брови. Кира рассмеялась.

– Не парься, я шучу. А если серьезно – я рада тебя видеть.

– Да. Я тоже рад. Кстати, а что ты тут делаешь? – весело уточнил Глеб. – Это ведь гостиница.

– Это кафе, – улыбнулась Кира. – И я – его хозяйка.

– Вот оно что!

– Да. Ты уже видел Эльзу?

Вопрос ошарашил Глеба своей неожиданностью.

– Эльзу? – растерянно переспросил он.

– Только не говори, что ты ее не помнишь. У вас ведь, кажется, был страстный роман перед тем, как ты уехал.

Кира посмотрела Корсаку в глаза, и он не выдержал, отвел взгляд.

– Я редко предаюсь воспоминаниям, – сказал он. – Тем более – воспоминаниям юности. Да я, наверное, и не узнаю ее при встрече. Она, должно быть, стала похожа на свою мать? Такая же толстая, седая и язвительная?

– Нет, – сказала Кира, по-прежнему разглядывая его. – Эльза неплохо сохранилась.

– Значит, ей повезло. – Корсак глянул на циферблат наручных часов. – Мне пора на церемонию.

Кира вздохнула:

– Да. Прости, что я не иду – не люблю похорон. Твой дядя был хорошим человеком.

– Вполне возможно, – сказал Глеб, поднимаясь из-за стола. – Спасибо за вкусный обед. Увидимся.

– Обязательно.

Глеб кивнул Кире и зашагал прочь. Он чувствовал, что Кира, так же, как недавно полицейский, пристально смотрит ему вслед, и из-за этого ему было как-то не по себе.

5

Выйдя на улицу, Глеб остановился, раскрыл рот и полной грудью хватанул студёный осенний воздух.

Эльза!.. Неужели все это было в самом деле?... Да, было. И сколько проклятых месяцев и лет, сколько невероятных душевных усилий понадобилось ему тогда, чтобы выбросить Эльзу из памяти. Хорошо, что прошло так много времени. Чертовски хорошо! Но хватит ли их для того, чтобы старая, давно затянувшаяся рана не открылась вновь?!

– Корсак!

Глеб вздрогнул и обернулся. К нему небрежной походкой приближался высокий светловолосый парень с веснушчатым лицом. На вид ему было лет тридцать с небольшим, и серое модное полупальто сидело на его тощем теле, как мешок на жердине.

Парень остановился и окинул Глеба с ног до головы холодным, неприязненным взглядом.

– Не узнаешь? – сухо спросил он.

– Нет, – ответил Корсак.

– Сергей Бегунов. Брат девушки, которую ты бросил двадцать с лишним лет назад.

– Сергей? – Несмотря на жесткие слова парня, Глеб не удержался от улыбки. – Черт! Когда я видел тебя в прошлый раз, тебе было лет десять.

– Двенадцать, – хмуро поправил Сергей. – Но это не имеет значения. Какого черта ты тут делаешь?

– Где это «тут»?

– Возле кафе моей сестры.

– Вообще-то здесь гостиница. И я в ней остановился. Логично для приезжего, правда? Светлые глаза Бегунова сузились.

– Умничаешь?

– Констатирую, – спокойно сказал Глеб.

Несколько секунд они стояли молча, оглядывая друг друга. Первым молчание прервал Корсак.

– Серег, – мягко начал он, – давай не будем начинать встречу со ссоры. Если ты сердишься на меня из-за твоей сестры...

– Заткнись, – прорычал Бегунов. – Я не собираюсь тебе ничего объяснять. Я просто хочу, чтобы ты держался от Киры подальше.

Взгляд Корсака похолодел.

– Не думаю, что это тебя касается, – спокойно сказал он.

– Мне плевать, что ты думаешь. Просто свали отсюда, пока зубы целы.

– Ты мне угрожаешь? – иронично уточнил Глеб.

– Понимай как хочешь.

Корсак улыбнулся, и, увидев эту улыбку, Бегунов побелел от гнева. Кулаки парня сжались, и он сделал шаг к Глебу.

– Спокойно, Серега, – осадил его Корсак. – Спокойно. Ты же не хочешь, чтобы нас с тобой забрали в полицию за драку? Я тоже. У меня похороны, и я не могу их пропустить.

– Свинья ты, Корсак! – выдохнул Бегунов. – Ты хоть знаешь, что после твоего отъезда она вены себе резала!

Глеб замер с открытым ртом. Потом растерянно моргнул и пробормотал:

– Я этого не знал.

– «Не знал», – презрительно передразнил Бегунов. – Да ты даже позвонить ей ни разу не удосужился. А ведь она тебя ждала. Долго ждала. И даже ехать к тебе собиралась.

Глеб молчал, как громом пораженный. Но продолжалось это недолго.

– Ладно, – сказал Глеб. – Ты сказал – я услышал. А теперь прости, мне надо идти. – Глеб тронулся с места, намереваясь обойти парня, но Бегунов снова встал у него на пути. Корсак становился. – Выпей валерьянки, – посоветовал он парню. – Или настойки пустырника. Говорят, помогает.

– Сразу после похорон ты отсюда свалишь, – сказал Бегунов. – И это не просьба.

Он отошел в сторону, давая Глебу пройти, а потом, так же, как полицейский из ППС, и так же, как Кира, долго смотрел ему вслед.

Настроение у Глеба было мрачное. Известие о том, что Кира пыталась покончить собой после их размолвки, случившейся больше двадцати лет назад, его поразило. Впрочем, не настолько, чтобы он впал в депрессию и бросился просить у Киры прощения. В конце концов, он тогда тоже сильно пострадал. И может быть, даже сильнее, чем Кира. И еще неизвестно, чье сердце было по-настоящему разбито, а кто из них троих просто ломал комедию.

Кира... Эльза... К черту все это!

Кажется, я окончательно превратился в циника.

Глеб мрачно усмехнулся и постарался выбросить известие о несостоявшемся самоубийстве Киры Бегуновой из головы.

6

Четверть века назад родители Глеба Корсака вынуждены были временно переехать в Полесск по причинам, которые сейчас могли показаться пустяковыми. Глеб провел в этом городе около года своей жизни. В ту пору он считал пребывание здесь чем-то вроде ссылки и без особой теплоты относился и к городу, и к его жителям.

Глеб всегда считал себя в Полесске чужим и без особых сожалений расстался с городом четверть века тому назад – с разбитым сердцем и тяжким грузом несбывшихся надежд.

И сейчас он чувствовал себя здесь таким же чужаком, как и раньше.

Глядя на восковое лицо покойника, Глеб вспомнил, что когда-то они неплохо проводили вместе время, разглядывая коллекции насекомых, гербарии, просматривая энциклопедии холодного оружия. Дядя Борис был отличным рассказчиком, и Глеб обожал слушать истории из его жизни. Многие истории были выдуманными (Глеб понимал это даже в детстве), но тем интереснее было следить за поворотами буйной дядиной фантазии, которая заводила его так далеко, что дядя Борис и сам часто казался удивленным.

...Возле гроба дяди Бориса стояли пожилые люди с лицами не столько печальными, сколько просто спокойными. Глеб знал, что похороны организовали какие-то приятели дяди. Вероятно, они сейчас и стояли возле «скорбного ложа».

У Глеба появилось острое чувство фальшивости всего происходящего, а вместе с ним и желание уйти отсюда.

Собственно, почему бы и нет? Никто ведь и не заметит.